

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА КОНИЦКАЯ
Вильнюсский университет

**Некоторые проблемы словенской фразеогрaфии
(к выходу в свет первого фразеологического словаря
словенского языка Янеза Кебера)**

В 2011 году в Любляне вышел в свет *Slovar slovenskih frazemov* — первый одноязычный словенский фразеологический словарь (далее — SSF), составленный Янезом Кебером, известным словенским фразеологом¹. Это большое событие в словенской лексикографии, успешно развивающейся с конца XX в. во многих областях: в 1970–1991 гг. вышел Словарь словенского литературного языка (далее — SSKJ)², в 2001 г. — орфографический словарь [PS] (130000 слов), в 1977–2007 гг. — этимологический словарь Ф. Безлая [FB], а в 1997, 2003, 2009 гг. — этимологический словарь М. Сноя³ [MS]; с 90-х гг. XX в. выходят терминологические словари [Коницкая 1999, 251]; о бурном развитии этой области лексикографии говорит факт, что лишь за 2011 г. вышли словари: ботанический [BTS], фармацевтический [FTS], горнолыжного спорта [SSS]; выходили также диалектные словари⁴, появился первый том Словенского лингвистического атласа [SLA 2011].

SSF появился на фоне значительно возросшего за последние двадцать лет интереса к фразеологии и к фразеологическим единицам (далее — ФЕ). Развитие когнитивистики, исследования языковой картины мира разных лингвокультурных сообществ, разработка вопросов устройства ФЕ как системной единицы, сопоставительные исследования привели к уточнению или переинтерпретации сущностных характеристик ФЕ; это вызвало активизацию фразеографической деятельности и массовый выход фразеологических словарей разных типов и объемов в разных странах⁵. Новые подходы не могли не затронуть и словенскую фразеологию, где за последние десятилетия было немало сделано для уточнения понятия ФЕ и ее границ [Kržšnik 1990; 1996; Gantar 1997 и др.], отражения культурологического аспекта во фразеологии [Kržišnik 2008], изучения прагматических ФЕ [Jakob 2003], описания целых звеньев фразеологи-

ческой системы [Stramljič-Breznik 2007], анализа ФЕ в корпусах [Gantar 2007] и др., что явилось успешным развитием достижений словенской фразеологии предыдущих этапов [напр.: Torogšič 1973/74; Rode 1975]⁶.

Разрабатывающие как теоретическую, так и практическую проблематику словенские лингвисты черпают материал для исследований главным образом в SSKJ, где ФЕ даны с толкованиями и словарными пометами. Однако уровень лингвистической обработки фразеологизмов в SSKJ недостаточно удовлетворяет требованиям научного описания [Peterman 1988; Kržišnik 1987/88]. Другие же источники словенской фразеологии обычно ограничены в объеме и составлены без словарных помет: так, пятиязычный словарь Й. Павлицы [Pavlica 1960], включающий около 1000 словенских ФЕ, можно использовать для обучения иностранным языкам и ориентации в словенской фразеологии, но не в научных целях, так как “v tekstu <je> preveč samovoljnosti in <...> delo ni oprto na vire” [Suhadolnik 1960, 205] ‘в тексте слишком много вольностей и <...> не указаны источники’; в сборнике словенских пословиц и поговорок Э. Бойца [EB 1974, 1980, 1987] содержится мало ФЕ в узком смысле, нет толкований и словарных помет. По указанным причинам отсутствие до недавнего времени современного фразеологического словаря словенского языка выглядело кричащим отставанием.

Подробный анализ словенской фразеогрaфии и фразеологии конца XX в., а также проект словенского фразеологического словаря были представлены Я. Кебером в [2000]. В 2003 г. вышел подготовленный им пробный выпуск словаря — *Frazeološki slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek* (далее — PZ), содержащий систематизированное описание словенских ФЕ (с грамматическими и стилистическими пометами, толкованиями, примерами, объяснениями происхождения, параллелями из немецкого, английского, польского, сербского, чешского, хорватского и других языков). Будучи предвестником полноценного словаря, PZ вызвал заслуженный интерес и критику со стороны словенских фразеологов⁷. Реализованными в PZ положениями Я. Кебер руководствовался в основном и при подготовке SSF, ставя своей целью создание универсального словаря, который выполнял бы функции рассчитанного и на специалистов, и на широкий круг читателей нормативного, историко-этимологического, отчасти параллельного, а также словаря фразеологических синонимов и антонимов.

Появление SSF — объемного труда (1158 стр.), вышедшего в издательстве САНИ в серии словарей под эгидой Института словенского языка им. Франа Рамовша, заставляет заново обсудить некоторые вопросы фразеогрaфической практики, связанные с теорией фразеологии. В статье затрагивается

небольшая часть связанных с SSF проблем, а именно, отражение в нем вариативности, синонимии, а также представление значений, версий происхождения, межъязыковых (русских) соответствий словенских ФЕ.

1. Один из самых сложных вопросов практической фразеологии связан с разграничением вариантов и синонимов ФЕ. По мнению Н.М. Шанского, разделяемому многими русскими фразеологами, “варианты фразеологического оборота — это его лексико-грамматические разновидности, тождественные ему по значению и степени семантической слитности” [1985, 50]. В подробной классификации вариантов русских ФЕ В.П. Жукова [1986, 165] выделяется шесть видов вариантов: фонетические, морфологические, видовые, конструктивные, лексические, словообразовательные. Первые три можно считать формальными, среди них распространенными являются парадигматические варианты, связанные с представлением разных форм числа существительных, глагольных временных форм, форм активного/пассивного залога, совершенного/несовершенного вида, утвердительной/отрицательной форм глагола, форм личного/притяжательного местоимения, степеней сравнения прилагательных. Конструктивными Жуков считает варианты с количественным варьированием компонентов. Лексическое варьирование связано с заменой компонентов в тематическом круге лексики (с сохранением относительного тождества образного представления), причем “лексические замены в вариантах фразеологических единиц носят строго закономерный, системный характер” [Мокиенко 1989, 33]; такие “словесные видоизменения, происходящие в рамках одной и той же конструкции”, не вносят каких-либо смысловых оттенков в содержание ФЕ [Жуков 1978, 103]. Некоторые ученые считают пары ФЕ с лексической заменой дублетными синонимами [Шанский 1996, 56]. Разброс мнений русских фразеологов обобщил Н.Ф. Алефиренко, пришедший к выводу, что “фразеологическими вариантами целесообразно считать те видоизменения фраземы, которые, характеризуясь относительным тождеством фразеологического значения и этимологического образа, различаются отдельными компонентами плана выражения, что придает им определенное экспрессивно-стилистическое своеобразие” [1993, 43].

В SSF варианты ФЕ представлены непоследовательно. Во Введении Я. Кебер говорит о выделении главных статей, где приводится объяснение фразеологизма и все, что к этому относится, но в самом SSF некоторые варианты ФЕ даны в отдельных статьях с толкованиями и примерами; в других случаях варианты ФЕ даны в основной статье⁸.

В отдельные статьи выделяются формальные (морфологические) варианты, содержащие: а) инфинитив и отглагольное существительное,

напр.: *pometanje pod preprogo* ‘скрывание, игнорирование чего’, досл. “заметание под ковер”, и *pomesti pod preprogo*, *pometati pod preprogo* ‘скрывать, игнорировать’, досл. “заметать, замести под ковер”; *dolivanje olja na ogenj*, досл. “подливание масла в огонь”, и *dolivati olje na ogenj*, досл. “подливать масло в огонь”, и мн. др.; б) ед. или мн. ч. существительного, напр.: *biti v [veliki] časti* со значением *biti (zelo) cenjen* ‘быть в [большой] чести’ (ед. ч.) и *biti v [velikih] časteh* ‘то же’ (мн. ч.); в) утвердительную и отрицательную форму, напр.: *biti po jusu*⁹ ‘соответствовать существующим правилам’, досл. “соответствовать юсу”, и *ne biti po jusu* ‘не соответствовать существующим правилам’; г) безпредложные и предложные сочетания, напр.: *velika luža* ‘Атлантический океан; океан вообще’, досл. “большая лужа”, и *čez veliko lužo* ‘в Америке, в Америку’, досл. “через большую лужу”¹⁰; д) рефлексивы и нерефлексивы, напр.: *spremeniti se v prah* ‘рассыпаться в прах’ и *spremeniti koga v prah* ‘превратить кого в прах’.

Так же даны конструктивные варианты, напр.: *sesuti koga/kaj v prah* ‘обратить кого/что в прах’ и *sesuti koga/kaj v prah in pepel* ‘обратить кого/что в прах и пепел’; *križ je s kom/čim* ‘трудности, проблемы с кем/чем’, досл. “крест с кем/чем”, и *velik križ je s kom/čim* ‘большие трудности, проблемы с кем/чем’, досл. “большие трудности с кем/чем”, и др. Помещая очевидные варианты в отдельные статьи, Я. Кебер, видимо, считает их разными ФЕ: так, связывая взаимными отсылками единицы *vrteti se v krogu* ‘кружить по кругу’ и *vrteti se v začaranem krogu* ‘кружить по заколдованному кругу’ (с общим толкованием *ne najti izhoda, rešitve* ‘не найти выхода, спасения’), о второй единице он пишет: *z ispuštom sestavine začarani je nastal nov frazem vrteti se v krogu* [424] ‘при элиминировании составной части *začarani* ‘заколдованный’ возник новый фразеологизм *vrteti se v krogu*’.

Думается, что проблемы формальной и конструктивной вариативности ФЕ в словенской фразеогрании могут получить более органичное и простое практическое решение: такие варианты целесообразно помещать в одной словарной статье, сопровождая их примерами.

2. Как отмечалось выше, лексические модификации могут рассматриваться как дублетные синонимы. В определенной степени то же относится и к словообразовательным вариантам. Я. Кебер предлагает считать ФЕ со словообразовательными и лексическими вариантами синонимичными, напр.: *položiti orožje* ‘сложить оружие’ и *odložiti orožje* ‘отложить оружие’, *apokaliptični jezdec* и *jezdec apokalipse* ‘всадники апокалипсиса’; *spati kakor angel* ‘спать как ангел’ и *spati kakor angelček*

‘спать как ангелок’, *iskati iglo v senu* и *iskati šivanko v senu* ‘искать иголку в сене’ (с полными синонимами *igla* и *šivanka* ‘игла’). Однако в этих случаях не нарушается образное, структурное и семантико-стилистическое тождество ФЕ, поэтому есть основания считать такие единицы вариантами ФЕ. К ним же можно отнести и ФЕ с глагольным варьированием, напр., *riniti z glavo skozi zid* и *iti z glavo skozi zid* ‘головой пробивать стену’ (*riniti* — ‘броситься’, *iti* — ‘идти’), *oklepati se koga/česa kot rešilne bilke* и *oprijeti se koga/česa kot rešilne bilke* ‘схватиться за кого/что как за спасительную соломинку’ (*oklepati se* — ‘взяться, приняться’, *oprijeti se* — ‘то же’) и мн. др.

Под фразеологическими синонимами в русской фразеологии понимаются единицы “с предельно близким значением, как правило, соотносимые с одной и той же частью речи, обладающие частично совпадающей или (реже) одинаковой лексико-фразеологической сочетаемостью (эта особенность прежде всего характерна для одноструктурных фразеологизмов), но отличающиеся друг от друга оттенками значения, стилистической окраской, а иногда тем и другим одновременно” [Жуков 1986, 178]. Думается, что это определение вполне может быть применено к словенскому фразеологическому материалу.

В SSF приводятся безусловные синонимические ряды, различающиеся создаваемыми образами и совпадающие по сочетаемости, напр., *bob iz kroga pobirati*, досл. “боб таскать из кипятка”, и *hoditi za koga po kostanj v žerjavico* ‘таскать для кого каштаны из огня’, досл. “ходить за кого по каштан в огонь”. Однако к синонимам неоправданно отнесены единицы, различающиеся сочетаемостью и оттенками значения, напр.: *rdeč kot kri* ‘красный как кровь’, *rdeč kakor mak* ‘красный как мак’, *rdeč kot/kakor kuhan rak* ‘красный как вареный рак’: *rdeč kot kri* прежде всего выступает в контекстах, связанных с предметами и субстанциями (*рубины, вино* и др.), *rdeč kot mak* (с положительной окраской) — преимущественно в описаниях девушек и женщин; *rdeč kakor kuhan rak* — в описаниях людей, испытывающих сильные (чаще всего негативные) чувства. Для всех приведенных ФЕ в SSF дано значение *zelo rdeč* ‘очень красный’, хотя между ними есть различия, которые должны быть отражены в словарных толкованиях ФЕ.

3. Установление отношений вариативности и синонимии во фразеологии связано с точностью определения значений ФЕ. В ходе решения этой сложной фразеографической задачи возможны следующие недочеты, связанные с выделением: а) неполного значения ФЕ; б) избыточных значений; в) неверного значения; а также: г) с представлением в одном значении нескольких значений, д) с подстановкой объяснения проис-

хождения или нефразеологического значения вместо фразеологического. Все эти типы недочетов встречаются и в SSF, что проиллюстрируем на отдельных примерах.

а) в статье о ФЕ *kaj je [kot] bob ob steno* дано значение *kaj je brez uspeha, zaman* ‘что без успеха, напрасно’. Но во всех приведенных примерах представлена лексика говорения, коммуникации, напр.: *...vse prošnje materine so bile bob ob steno* ‘все материнские просьбы были напрасны’; *Vse besede so bile bob ob steno* ‘Все слова были горох в стенку’; таким образом, в значение ФЕ входит сема ‘речевая коммуникация (просьба, обращение и др.)’. Надо сказать, что значение соответствий из разных славянских языков словенскому *kaj je [kot] bob v steno* приведено в словарях с этим оттенком, напр., рус. *горох в стенку* — “не воздействует, не оказывает никакого влияния на кого-либо (что-либо сказанное)” [ФСРЛЯ], польск. *groch o ścianę* — “daremnie przekonywać, pouczać, upominać kogo” [Skorupka 1967, I, 262]. По-видимому, и в словенском языке описание значения ФЕ должно включать этот компонент.

б) у ФЕ *držati ogledalo komu/čemu*, досл. “держатъ зеркало перед кем/чем”, установлено значение *kritično ocenjevati koga, kaj, opozarjati na napake; v umetniških, zlasti gledaliških delih prikazovati problematiko določene stvari* ‘критически оценивать кого, что, обращать внимание на ошибки; в художественных, особенно театральных произведениях, показывать определенную проблематику’. Эта единица в SSF дана наряду с еще двумя ФЕ: *nastavljati ogledalo komu/čemu*, досл. “подставлятъ зеркало кому/чему”, и *kazati ogledalo komu/čemu*, досл. “показывать зеркало кому/чему”, причем у последних единиц значения (по SSF) полностью совпадают и представляют собой первую часть приведенного выше значения ФЕ *držati ogledalo komu/čemu*. Контексты употребления всех единиц совпадают, ср.: *s svojimi deli mu (= času) kaže ogledalo* ‘своими произведениями он подставляет ему (= времени) зеркало’ [SSF]; *Tarima Mansour je tako ustvarila izredno lucidno predstavo, v kateri je z izogibanjem položaju žrtve vzpostavila emancipirano stališče tako do problema neevropskega izvora kot tudi do pokroviteljskih gest zahodnjaške logike ter ji tako dobesedno nastavila ogledalo*. [GF] ‘Так Тарима Мансур создала весьма игривое представление, где она, избежав позиции жертвы, заняла независимое положение как в отношении проблемы неевропейского происхождения, так и в отношении покровительственных жестов западной логики, и таким образом буквально заставила ее посмотреться в зеркало’; значит, эти три единицы являются дублетными синонимами (или вариантами), а в первом ФЕ выделяется лишнее (необязательное) значение.

в) ошибочное толкование (как следствие неправомерного отождествления разных ФЕ) находим в описании значения ФЕ *oprati komu možgane*, досл. “выстирать кому мозги”, как *zelo ošteti koga* ‘сильно отругать кого’. По мнению Кебера [551], эта ФЕ синонимична ФЕ *oprati komu glavo* ‘намылить голову’, досл. “вымыть кому голову”. Слов. ФЕ *oprati komu možgane* аналогична рус. *промывать мозги кому* ‘воздействовать на психику человека с целью его идеологической обработки’ [СРФ, 383], и это подтверждают словенские примеры: *Pogosto jim “operejo možgane”*. *V dolgih urah in dnevih ideološkega pranja možganov jim obljubijo muslimanski raj...* ‘Им часто “промывают мозги”. Долгие часы и дни идеологического промывания мозгов обещают им мусульманский рай...’.

г) совмещение в одной дефиниции разных значений часто встречается в SSF, ср. описание первого значения ФЕ *figov list* ‘фиговый лист’: *1. na umetniški upodobitvi nagega človeškega telesa stiliziran filov list, ki pokriva osramlje; kopalno oblačilo ali njegov del, praviloma žensko, ki samo delno ali slabo zakriva goloto* ‘1. в художественных воплощениях нагого человеческого тела стилизованный лист фигового дерева, покрывающий половые органы; купальная одежда, обычно женская, или ее часть, которая лишь частично или плохо прикрывает наготу’. Если во второй части описания можно видеть фразеологическое значение, то первая представляет устоявшееся терминологическое значение; в любом случае, это два разных значения, которые не должны объединяться в одном толковании.

д) подстановку прямого значения в качестве фразеологического находим, напр., в толковании ФЕ *Matjaževa brada*, досл. “Матяжева борода”: ‘борода сказочного короля Матяжа’¹¹. В SSF не дано фразеологическое значение. Однако в словенском языке это выражение (наряду с вариантом *brada kralja Matjaža*) функционирует и как ФЕ, напр.: ... *kajti če bi bili preštudirali vse tisto, kar bi bilo po njihovih mislih treba preštudirati takim glasnim vsevedcem, bi moral imeti vsakdo izmed njih Matjaževo brado* [NB] ‘... потому что, если бы они изучили все, что, по моему мнению, нужно изучить таким громким всезнайкам, у каждого из них должна была бы быть Матяжева борода’ (ср. также: *Načrt, ki ima »brado kralja Matjaža«, je šele na polovici*. [GF] ‘План с “бородой короля Матяжа” дошел лишь до середины’; примеры из блогосферы: *Prej boš imel brado kralja Matjaža kot pahljačaste liste*. ‘У тебя раньше вырастет борода короля Матяжа, чем ты получишь веерные листья’; *dobro vprašanje, sam odgovor je pa — daljši od brade kralja Matjaža pod Peco* ‘хороший вопрос, только ответ — длиннее, чем борода короля Матяжа под Пецей’). Судя

по примерам, у ФЕ есть два фразеологических значения, не описанных в SSF: 1. *очень длинный*; 2. *тянущийся много лет*.

Описания значений в словаре не должны противоречить другим частям статьи. Требование непротиворечивости часто нарушается в SSF; напр., в статье о ФЕ *dlani srbijo koga* ‘руки чешутся у кого’ Кебер дает в первой строке объяснение прагматического характера (наряду с стилистико-грамматическими пометами): *pog., olepš., mn., kot grožnja sobesedniku, dov. zasrbeti* (подчеркнуто мной — Е.К.) ‘разг., эвфем.¹², мн., как угроза собеседнику, сов. в. зачесаться’, а затем описывает значения: 1. *ima željo, čuti potrebo, da bi udaril*, ‘есть желание, чувствует потребность ударить’, и 2. *nestrpno čakati na kakšno delo* ‘с нетерпением ждать какого-то дела’; указывая для ФЕ *kurja polt* одно значение ‘ужас’, далее в тексте отмечает употребление ФЕ *v pomenu ‘zaradi mraza ali groze naježena koža’* ‘в значении: ‘из-за мороза или ужаса кожа покрылась пупырышками’¹³; ФЕ *beseda je meso postala* ‘слово стало плотью’ определяется как *prisposoba* ‘сравнение, притча’ со значением *kar je bilo govoreno, se je uresničilo* ‘то, о чем говорилось, осуществилось’, а в конце статьи рассматривается как восклицание (*vzklik*), причем автор приводит аналогичную (по его мнению) пословицу *mi o volku, volk iz gozda* ‘о волке речь, а волк навстречь’, тогда как примеры показывают, что ФЕ *beseda je meso postala* не употребляется как восклицание, ср.: *No, mogoče pa tu delamo krivico, saj včasih pokaže že naravnost junaško zavzetost, da bi udejanil kako odločbo sodišča in da beseda pravice vendarle meso postala* ‘Ну, может мы его обижаем, ведь он иногда выказывает просто героическое желание реализовать какое-нибудь судебское решение, чтобы судебное слово все-таки стало плотью’, и др.

4. Одной из самых сложных и дискуссионных областей фразеологии, требующей от исследователя многосторонних культурологических знаний и представлений о когнитивных механизмах, является объяснение происхождения ФЕ. По мнению В.И. Зимина и Л.А. Ковалевской, механизм идиоообразования состоит в том, что “на основе исходного свободного словосочетания создается образ (сцена, гештальт), который и лежит в основе мотивации значения фразеологизма” [2009, 54], и в этом свете “мнение о том, что в основе образования идиом лежит процесс переосмысления значений слов данной конструкции, является крайне обедненным” [там же, 55].

Во Введении к SSF Я. Кебер указывает, что значение ФЕ невыводимо или лишь частично выводимо из значения его составных частей [9], однако зачастую значение ФЕ выводит из значения отдельных компонентов, напр.: *Frazem betonska džungla temelji na prenesenem pomenu*

sestavine džungla: експр. 'velika množina'. Sestavina *betonska* natančneje določa to veliko množino: zelo veliko betonskih zgradb [195]. 'Фразеологизм *бетонные джунгли* основан на переносном значении составной части *джунгли*, експр. 'большое множество'. Составная часть *бетонные* точнее определяет это великое множество: очень много бетонных зданий'.

Я. Кебер выступает как интересный исследователь, предлагая версии происхождения многих своеобразных словенских ФЕ. Так, напр., *fant od fare* 'парень-молодец' объясняется как происходящее из исходного свободного сочетания 'парень из славного, известного рода' (включавшего заимствование из лангобардского *fâra* 'род, племя' и заимствование же из итальянского *fante* 'парень' [200]). Другой исконно словенский фразеологизм *Matilda je poljubila koga* 'кто-то умер' появился после второй мировой войны и связан с тем, что партизаны называли пулемет *matilda* [506]. Вместе с тем, некоторые приводимые в SSF версии происхождения вызывают сомнение, так как не объясняют все смысловые элементы ФЕ. Так, ФЕ *imeti maslo na glavi* со значением *ne biti nedolžen* 'не быть невинным', досл. "иметь масло на голове", Я. Кебер, со ссылкой на немецких исследователей, объясняет тем, что некогда крестьянки торговали маслом, нося его в корзине на голове, и растопившееся в результате долгого пребывания на солнце масло свидетельствовало о неуклюжести и нерасторопности торговки, что и послужило основой ФЕ. Здесь же приводится предложенное чешскими фразеологами объяснение аналогичной чешской ФЕ¹⁴: за плохое качество масла в XV в. крестьянок наказывали стоянием под солнцем с маслом на голове до тех пор, пока оно не растопится [502]. Эта версия объясняет сему 'проступок, вина'; если бы верной была первая версия, то у ФЕ должна была бы появиться сема 'неуклюжесть, неловкость'. Мотивировавшая данную ФЕ ситуация, на наш взгляд, обнаруживается и в ФЕ *nositi kaj na glavi* со значением 'иметь нечистую совесть', досл. "носить что-то на голове", которую Кебер объясняет представлением, что "ima kdo breme, težo na glavi, preneseno na možganih, torej tudi na vesti" [224] 'у кого-то бремя, тяжесть на голове, в переносном смысле в мозгу, значит, и на совести'. В этом объяснении нет логической связи между перемещением тяжести с головы в мозг и потом на совесть; нет основания для появления семы вины, проступка, присутствующей в толковании и подтверждаемой примерами: *V njegovo srečo pa bi tak greh nosil na glavi le nekaj mesecev* 'Но, к его счастью, его совесть была бы нечиста лишь несколько месяцев'; *Celo kopico svinjarij namreč nosijo na glavi stranke, ki so do sedaj sodelovale v vladah* 'В целом ряде неприглядных поступков грешны партии, до сих пор сотрудничавшие в правительстве'.

Впрочем, Я. Кебер при объяснении происхождения ФЕ исходит из убеждения, что во фразеологии много случайного. Говоря о ФЕ *režati se kot pečen maček* ‘громко смеяться’, досл. “ржать как жареный кот”, он предполагает, что “*so včasih kje spekli mačka namesto zajca in da je bil to povod za smeh, šale*” ‘где-нибудь иногда поджаривали кота вместо зайца и это было поводом для смеха, шуток’, не замечая, что в ФЕ *kot* находится в позиции субъекта. Наиболее вероятно, по Я. Кеберу, “*da je pečen maček prišel v primero čisto slučajno, kar je v frazeologiji pogost pojav*” [495] ‘что жареный кот оказался в сравнении совершенно случайно, что во фразеологии частое явление’. Я. Кебер приводит из материалов SSKJ выражения с метафорическим переосмыслением ряда других животных или предметов как смеющегося во весь рот человека: *se je režal kot pečen lisjak* ‘ржал как жареный лис’, *se je režal kot stara aktovka* ‘ржал как старый портфель’, *se režiš kakor razsušeno korito* ‘ржешь как рассохшееся корыто’ и т. д. Грубое сравнение смеющегося человека с животным весьма распространено в разных языках, ср. рус. *ржать как лошадь*. Интересно, что в русском Интернете обнаружился пример: *Встречные кошки, смотря на меня, буквально ржали! <...> Оскаливали зубы и истерично мяргали, лупая [= лупя] хвостом асфальт* [Городские диалекты], где очевидно сближение физиологии громкого мяуканья кошек и смеха человека, так что привлечение для объяснения происхождения ФЕ ситуации угощения гостей жареным котом совершенно неоправданно¹⁵.

Для установления происхождения ФЕ важны все элементы, составляющие его образность и формирующие значение. Напр., смысловой эффект бессмысленного хождения во ФЕ *hoditi od Poncija do Pilata* ‘безрезультатно ходить по инстанциям’, досл. “ходить от Понтия к Пилату” возникает благодаря использованию в нем двух имен одного человека, и ограничивать объяснение ФЕ рассказом о хождении Христа от Пилата к Ироду и назад (со ссылкой на Евангелие от Луки), как это сделано в SSF [726–727], недостаточно.

Неполнота объяснения происхождения ФЕ может возникать и при переизбытке информации, ср. объяснение ФЕ *babilonski stolp* ‘вавилонская башня’: *Frazem babilonski stolp izhaja iz besedne zveze babilonski stolp ‘po bibliji stolp, ki naj bi segal do neba’. Sicer pa je bil babilonski stopničast stolp v Mardukovem svetišču na zahodu Babilona. Njegova osnovna stranica je merila več kot 2000 m², visok pa je bil 90 m. Stopičast stolp — zigurat — naj bi predstavljal pot, ki povezuje nebo in zemljo. Nanj se zato navezuje veliko mitov in pripovedk, med njimi o babilonski zmešnjavi jezikov. Iz slednje verjetno tudi izhaja današnji pomen frazema babilonski*

stolp [915] ‘Фразеологизм вавилонская башня происходит из словосочетания вавилонский столп ‘по библии столп, который якобы доставал до неба’. Вообще вавилонский ступенчатый столп был в святилище Мардука на западе Вавилона. Площадь его основания была более 2000 кв.м., высота 90 м. Ступенчатый столп — зиккурат — якобы представлял путь, связывающий небо и землю. С ним связано много мифов и легенд, среди них о вавилонском смешении языков. Из последней, вероятно, происходит сегодняшнее значение фразеологизма’. В этом объяснении приведены сведения о географическом положении, параметрах башни и многое другое, но не сказано, какая же легенда лежит в основе ФЕ. Таких, с одной стороны, избыточных, с другой — неполных объяснений довольно много; напр., ФЕ *iz te moke ne bo kruha* ‘из этого ничего не получится’, досл. “из этой муки не будет хлеба”, объясняется следующим образом: “*Predstava, ko kateri je nastal ta frazem, je dovolj razvidna: za peko kruha je potrebna moka, a samo to ne zadostuje, ker ga je treba zamesiti in speči*” [544] ‘Представление, из которого возник этот фразеологизм, довольно ясно: для выпечки хлеба нужна мука, но этого недостаточно, так как его надо замесить и испечь’. На самом деле, в основании ФЕ лежит представление не о замесе и выпечке, а о том, что хлеб можно выпечь только из качественной муки.

Происхождение ФЕ может быть связано с конкретным событием или произведением, но и в этом случае возможны разные версии. Напр., объясняя происхождение ФЕ *poslednji (zadnji) mohikanec* ‘последний из могикан’, Кебер ссылается на экранизации 1992 и 1936 гг. (США) известного романа Ф. Купера (1789–1851) “Последний из могикан” (1826 г.). Надо сказать, что аналогичная русская ФЕ получила широкое распространение уже в XIX в. (в текстах И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Н.С. Лескова [Ашукины 1955, 439]). Роман Купера был распространен во всей Европе, что позволяет предполагать более раннее появление словенской ФЕ. В SSF приводятся примеры, начиная с 1999 г., но в корпусах можно найти более ранние случаи употребления ФЕ, напр., в. 1991 г.: *Nekakšen »poslednji Mohikanec« v vsem tem dogajanju je očitno predsednik stranke dr. Dušan Plut* [GF] ‘Каким-то “последним из могикан” во всем происходящем выглядит, конечно, председатель партии др. Душан Плут’, что делает маловероятной привязку происхождения ФЕ к экранизации 1992 г.

Словари, относясь к литературе справочного характера, должны быть ориентированы на краткость и нейтральность текстов. Не соответствуют этим требованиям тексты, носящие приблизительный и экспрессивный характер и в то же время претендующие на научную точность, ср., напр.,

приведенное в SSF объяснение ФЕ *držati se kot pijanec plota* ‘крепко вцепиться в кого/что’, досл. “держаться как пьяный за забор”: *Primeri držati se koga/česa kot pijanec plota <...> temelji na dejstvu, da se pijanci ali pijani ljudje težko držijo na nogah, ker alkohol vpliva na center za ravnotežje v možganih. Zato potrebujejo nekaj, na kar se lahko oprejo, česar se lahko primejo. Plot je za to zelo primeren* [695] ‘Сравнение *держаться за кого/что как пьяница за забор* <...> основано на факте, что пьяницы или пьяные люди с трудом держатся на ногах, так как алкоголь влияет на центр равновесия в мозгах. Поэтому им нужно что-то, на что они могут опереться. Забор для этого очень подходит’. Такие определения позволяют утверждать, что SSF носит ярко выраженный популярный характер.

5. Неточностей и ошибок много также в области межъязыковых соответствий, факультативно приводимых в SSF (Я. Кебер предупреждает о необязательности соответствий в словарных статьях [12], но их спорадическое отсутствие/присутствие, на наш взгляд, выстраивает определенную, весьма неточную, перспективу распространенности и вариативности по ФЕ языкам). Ошибочные сближения при подборе соответствий возникают из-за внешнего совпадения ФЕ, особенно в родственных языках. Напр., к *vreči koga na finto* ‘обмануть кого’ в SSF приводится рус. *выкинуть финт* со значением ‘совершить неожиданный предосудительный поступок’ [ФСРЯ], хотя уместнее была бы параллель *натянуть нос*; к *prati umazato perilo* ‘обсуждать личные, домашние споры в присутствии других’ — рус. *копаться в чем грязном белье* ‘проявлять излишний интерес к теневым сторонам чьей-либо личной, интимной жизни или к неприглядным, скандальным подробностям чьих-либо взаимоотношений, чьей-либо деятельности’, вместо более точного соответствия *выносить сор из избы*; к слов. *kot nevesta* ‘как невеста’ (о красивом, красиво одетом) — разг., негат. рус. *вырядиться как на свадьбу*; к *imeti stok v grlu* ‘иметь неприятное чувство из-за волнения, стресса’ — рус. *каша во рту* ‘о чьей-л. невнятной речи, непонятном для других произношении’ [СРФ], вместо полностью совпадающего со словенским *комок в горле*; к *biti ad acta* ‘быть завершенным’ — рус. *положить в долгий ящик* ‘оттягивать исполнение какого-либо дела на неопределенное время’ [ФСРЯ]; к *biti kakor iz cukra* ‘иметь белую кожу; быть нежным, чувствительным’ — *быть как конфетка*, а не *быть как сахарный* и мн. др. В случае многозначности ФЕ важно учитывать значение, к которому подбирается параллель. Так, к слов. *iz polnih pljušč* (с двумя значениями) приводится рус. *кричать во все горло, петь во все горло*, между тем это параллель только к первому значению (‘очень громко’), а параллель ко второму, которое сформулировано как *na vso*

moč ‘изо всех сил’ — рус. *полной грудью*, ср. пример: *Zadnji čas je, da se prenehamo bati svobode in odgovornosti in zadihamo iz polnih pljuč sveži zrak (samo)odpuščanja in odveze* [712] ‘Самое время перестать бояться свободы и ответственности и начать вдыхать полной грудью свежий воздух (само)прощения и отпущения своих грехов’. Кебер иногда приводит целые ряды русских ФЕ, не все из которых являются соответствиями, напр, к *biti pravi mojster za kaj* приводятся рус. *съесть собаку на чем, быть мастак на что, быть спец на что, мастер на все руки*, из которых лишь первая ФЕ соответствует словенской; две другие являются разговорными, а в значении последней нет указания на специальную область навыков.

* * *

Словенский фразеологический словарь Я. Кебера как образец словенской фразеографии демонстрирует необходимость более глубокого осмысления многочисленных проблем, связанных с презентацией вариативности и синонимии в словаре, установлением значений и определением происхождения ФЕ, поиском межъязыковых соответствий. Будучи богатым собранием словенских фразеологизмов, SSF, имеющий ярко выраженный популярный характер и авторский стиль, представляет собой скорее материал для кропотливого и точного описания идиомов. Можно надеяться, что после его выхода в словенской фразеографии начнется новая эпоха, появятся новые фразеологические словари разных типов. Представляется, что для успешного развития словарного дела в Словении необходима специализация, учет опыта других национальных фразеографий и достижений словенской теоретической фразеологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наряду с многочисленными статьями, рецензиями, заметками (в том числе и научно-популярного характера), Я. Кебер выпустил двухтомник *Živali v prispodobah* (“Животные в образах” [1996–1998]) — рассчитанный на широкий круг читателей очерк словенской фразеологии с зоонимами на фоне других национальных фразеологий, с установлением словенской зоосимволики и ее общих и специфических черт в сравнении с другими европейскими (и не только) языками.

² Словарь, подготовленный Институтом словенского языка им. Ф. Рамовша САНИ, выдержал много изданий: 1970–1991 гг. — пятитомное издание (91 000 статей), 1994 г. — однотомное издание (дополненное в 1997 и 2008 гг.; 93152 статьи), 1998 г. и 2000 г. — электронная версия на CD-ROM, 2008 г. — пятнадцатитомное издание (более 107 000 статей и подстатей); интернет-версия появилась на странице ZRC SAZU (<http://bos.zrc-sazu.si/sskj.htm>).

³ Изданный в 2003 г. этимологический словарь по сравнению с 1997 г. был дополнен этимологиями 832 слов (всего в словаре более 30000 словенских этимологий).

⁴ Один из первых современных диалектных словенских словарей составлен П. Вайсом в 1994 г. ([Weiss 1998]; рец. [Коницкая 2000]).

⁵ Только в Польше в 2000–2011 гг. было издано и переиздано не менее 18 одноязычных словарей, в том числе “Popularny słownik frazeologiczny” [Głowińska 2000], “Słownik frazeologiczny współczesnej polszczyzny” [Bąba, Liberek 2001], “Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego” [Müldner-Nieckowski 2003], “Wielki słownik frazeologiczny” [Latuska 2008], “Mały słownik biblizmów języka polskiego” [Godyń 2006] и др.

⁶ В статье приведена малая толика работ словенских фразеологов. Библиография одного из ведущих ученых Словении в этой области Э. Кржишник насчитывает около 70 статей (см. http://phraseoseminar.narod.ru/erika_krznisnik_bibliografija.pdf).

⁷ В одной из самых исчерпывающих рецензий Э. Кржишник [Kržišnik 2004], отдавая должное автору, отмечала в числе недочетов неопределенность критериев при определении границ фразеологии и фразеологизмов, неточность стилистических и хронологических характеристик, неопределенность лингвистических помет, вариантности и синонимичности, критериев исходной формы, проблемы с иллюстративным материалом и т. д., и выражала надежду, что замечания помогут при подготовке словаря словенской фразеологии полного объема.

⁸ В SSF используется довольно громоздкая система отсылок: напр., *znajti se na tankem ledu* ‘оказаться в опасном положении’, досл. ‘оказаться на тонком льду’, отсылает к *biti na tankem ledu* ‘быть в опасном положении’, досл. ‘быть на тонком льду’, а последний — к *led* ‘лед’; в случаях синонимов или вариантов, напр.: *z oljem ogenj gasiti* ‘тушить маслом огонь’ — к *prililiti olje na ogenj* ‘долить масло в огонь’, а от него — к *prililiti olja na ogenj* ‘долить масла в огонь’. Систему отсылок, не нарушая научной логики, можно было бы упростить путем сведения к цепочке, представленной в рамках одной словарной статьи (или двух, в случае синонимов). Подробный иллюстративный материал к каждому выделенному варианту может быть представлен в одной общей статье, описывающей фразеологизм и его варианты. Кстати, в целом ряде случаев в SSF в статьях приведены иллюстрации не только заглавной ФЕ, но и ее глагольных вариантов (дублетов).

⁹ По объяснению, приведенному в SSF, в основе ФЕ лежит сокращение JUS — принятая в СФРЮ система стандартов; таким образом, *biti po jusu* первоначально означало соответствие общепринятым стандартам.

¹⁰ Я. Кебер отмечает, что ФЕ *velika luža* чаще всего употребляется в предложной форме [490], но формальных взаимных отсылок в статьях, посвященных ФЕ *velika luža* и *čez veliko lužo* нет; в обеих статьях приводятся полностью толкования, примеры и объяснения.

¹¹ По легенде, король Матьяж, разбитый турками, с горесткой воинов скрылся в пещеру под Пецей, где и заснул; его борода продолжает расти, и когда она девять раз обовьет трон, король проснется и прогонит врагов со словенской земли. Во фразеологическом значении рассматриваемое сочетание употребляется редко; в NB из более чем 3000 коллокаций со словом *brada* лишь в двух случаях можно выделить данную ФЕ.

¹² В чем заключается эвфемизм данной ФЕ, непонятно. Я. Кебер не объясняет значения помет, указывая на их соотнесенность с пометами в SSKJ и подчеркивая, что они избраны “po avtorskem individualnem občutku, ki se je izoblikoval v dolgotrajnem intenzivnem slovarskem delu” [11] ‘по авторскому индивидуальному чувству, которое сформировалось во время длительной интенсивной словарной работы’. Анализ словарных помет во фразеологическом словаре вообще и в SSF в частности — отдельная тема, хотя нельзя не заметить, что в SSF многие пометы вызывают недоумение.

¹³ Есть основания предполагать, что в SSF приведены не все значения ФЕ: примеры в словенских корпусах свидетельствует, что ФЕ имеет значение ‘высокая степень эмоционального потрясения вообще’, приведу лишь один пример: *Že na poroki so gostje ob slišanjem dobili kurjo polt, marsikomu pa so se ob Štajerkinem petju orosile oči. Vse goste je ta pesem zelo ganila <...>* [GF] ‘Уже на свадьбе у гостей мурашки по коже побежали, у многих увлажнились глаза от пения штайерки. Всех гостей эта песня очень тронула <...>’.

¹⁴ Происхождение ФЕ связывают с немецким языком (через французское посредничество) [SSF, 502].

¹⁵ Приведенная на интернет-странице свободного фразеологического словаря *Razvezani jezik* версия происхождения гораздо более убедительна: при пожарах иногда погибали кошки, а у мертвой кошки рот всегда открыт или полуоткрыт [RJ].

¹⁶ В некоторых случаях в русских соответствиях допущены просто ошибки, напр., к *vrniti se kot bumerang* приводится *повернется как бумеранг* (вм. *вернуться бумерангом / как бумеранг*), к *imeti polno glavo česa* — *голова забыта* (вм. *забита*) *только чем*; встречаются устаревшие формы синтаксических связей, напр.: *идти как [к] корове седло* (форма зафиксирована у В. Даля и отсутствует в современном русском языке).

СЛОВАРИ. КОРПУСЫ

Bąba S., Liberek J., 2001: *Słownik frazeologiczny współczesnej polszczyzny*. Warszawa, PWN.

EB = Bojc E., ¹1974, ²1980, ³1987: *Pregovori in reki na Slovenskem*. Ljubljana.

BTS = Batič F., Košmrlj-Levačič B., 2011: *Botanični terminološki slovar*. Ljubljana.

FB = Bezljaj F., 1977–2007: *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Ljubljana.

FTS = Obreza A., Šmid Korbar J., Humar M., 2011: *Farmaceutski terminološki slovar*. Ljubljana.

Głowińska K., 2000: *Popularny słownik frazeologiczny*. Warszawa.

Godyń J., 2006: *Od Adama i Ewy zacząć. Mały słownik biblizmów języka polskiego*. Wyd. 2, poprawione, uzupełnione i rozszerzone. Warszawa.

Latuszek A. (red.), 2008: *Wielki słownik frazeologiczny*. Warszawa.

Menac A., Rojs J., 1992: *Hrvatsko-slovenski frazeološki rječnik*. Zagreb.

Mikuč F., 1993: *Madžarsko-slovenski frazeološki slovar*. Szombathely.

MS = Snoj M., ¹1997, ²2003, ³2009: *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana.

- Müldner-Nieckowski P., 2003: *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa.
- Pavlica J., 1960: *Frazeološki slovar v petih jezikih*. Ljubljana.
- Skorupka S., 1967: *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. T. 1. Warszawa.
- SP = *Slovenski pravopis*. Ljubljana, 2001.
- SSF = Keber J., 2011: *Slovar slovenskih frazemov*. Ljubljana: ZRC SAZU.
- SSKJ = *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana, 1998
- SSS = Bokal Lj., 2012: *Slovenski smučarski slovar*. Ljubljana: ZRC SAZU.
- Weiss P., 1998: *Slovar govorov Zadrebke doline med Gornjim gradom in Nazarjami: Poskusni zvezek (A–H)*. Ljubljana. Доступ в Интернете: http://bos.zrc-sazu.si/c/Dial/M/Weiss_1998_Govori_zadrebke_doline_A_H.pdf (05.11.2012).
- Ашукин Н, Ашукина М., 1955: *Крылатые слова*. Москва.
- СРФ = Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И., 1998: *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. С.-Петербург.
- ФСРЛЯ = Федоров А.И., 2008: *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Москва.
- GF = *Gigafida*: Korpus slovenskega jezika (Projekt: Sporazumevanje v slovenskem jeziku). Доступ в Интернете: <http://demo.gigafida.net/> (10.10.2012).
- NB = *Nova beseda*. Besedilni korpus slovenskega jezika. Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU / Laboratorij za korpus slovenskega jezika. Доступ в Интернете: http://bos.zrc-sazu.si/a_about_si.html (12.10.2012).
- Городские диалекты*: Форум Abbyy Lingvo: <http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=142386> (10.10.2012).
- RJ = *Razvezani jezik*: Prosti slovar žive slovenščine. Доступ в Интернете: <http://razvezanijezik.org/?page=Naslovnica> (12.10.2012).

ЛИТЕРАТУРА

- Gantar P., 1997: Skladenjska in pomenskoestavinska tipologija glagolskih in prislovnih rekel, *Jezik in slovstvo*, let. 42, št. 6. Ljubljana, 237–248.
- Gantar P., 2007: *Stalne besedne zveze v slovenščini: korpusni pristop* (zbirka Lingua Slovenica, 3). Ljubljana.
- Jakop N., 2003. Pragmatični frazemi v Slovarju slovenskega knjižnega jezika, *Jezikoslovni zapiski*, let. 9, št. 2. Ljubljana, 111–127. Доступ в Интернете: <http://www.dlib.si/?URN=URN:NBN:SI:DOC-BWMBB0YI> (19.11.2012).
- Keber J., 1996, 1998: *Živali v prispodobah I, II*. Celje.
- Keber J., 2000: Raziskovanje slovenske frazeologije – sedanje stanje in zasnova frazeološkega slovarja, *Jezikoslovni zapiski*, 6. Ljubljana, 81–116.
- Kržišnik E., 1987/88: Frazeološko gradivo v Slovarju slovenskega knjižnega jezika, in *Slava II/2*. Ljubljana, 143–162.
- Kržišnik E., 2004: Poskusni zvezek slovenskega frazeološkega slovarja, *Slavistična revija*, let. 52/2004, št. 2, april–junij. Ljubljana, 199–208.

- Kržišnik E., 2005: Frazеologija v luči kulture, in Stabej M. (ur.), *Večkulturnost v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi*. Zbornik predavanj 41. seminarja slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 67–81.
- Kržišnik E., 2008: Viri za kulturološko interpretacijo frazeoloških enot, *Jezik in slovstvo*, let. 53 (2008), št. 1. Ljubljana, 33–47.
- Petermann J., 1988: Frazеologija v slovarju slovenskega knjižnega jezika (I–IV): nekaj osnovnih vprašanj o vlogi frazeologije v slovarju, in *Sodobni slovenski jezik, književnost in kultura* (Obdobja 8). Ljubljana, 301–310.
- Rode M., 1975: Semantični odnosi v frazeologiji, *Slavistična revija*, 23, št. 3–4. Ljubljana, 439–442.
- SLA = *Slovenski lingvistični atlas 1*. Človek – telo, bolezni, družina. Ur. J. Škofic. Ljubljana, 2012.
- Stramljič Breznik I., 2007: Družina v slovenskih pregovorih in frazemih, in Kržišnik E., Eismann W. (ur.), *Frazеologija v jezikoslovju in drugih vedah*. Ljubljana, 251–266.
- Suhodolnik S., 1960: Josip Pavlica: Frazеološki slovar v petih jezikih, *Jezik in slovstvo*, 1960/61. Доступ в интернете: <http://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:DOC-CMHMZ8UQ/> (20.10.2012).
- Toporišič J., 1973/4: K izrazju in tipologiji slovenske frazeologije, *Jezik in slovstvo*, 19. Ljubljana, 273–279.
- Алефиренко Н.Ф., 1993: *Фразеология в системе современного русского языка*. Москва.
- Жуков В.П., 1978: *Семантика фразеологических оборотов*. Москва.
- Жуков В.П., 1986: *Русская фразеология*. Москва.
- Зимин В.И., Ковалевская Л.А., 2009: Уяснение механизма идиоомообразования, in *Фразеология в тексте и текст во фразеологии*. Четвертые Жуковские чтения. Материалы международного симпозиума. Великий Новгород, 55–57.
- Коницкая Е., 1999: Словенская лингвистическая литература за 1994–1998 гг., *Slavistica Vilnensis 1999* (Kalbotyra 48 (2)). Vilnius, 245–252.
- Коницкая Е., 2001: Peter Weiss. *Slovar govorov Zadrečke doline med Gornjim Gradom in Nazarjami*. Poskusni zvezek (A–H), *Slavistica Vilnensis 2001* (Kalbotyra 50 (2)). Vilnius, 224–228.
- Мокиенко В.М., 1989: *Славянская фразеология: учебное пособие*. Москва.
- Телия В.Н., 1995: *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект*. Москва.
- Шанский Н.М., 1985: *Фразеология современного русского языка*. Москва.
- Шанский Н.М., 1996: *Фразеология современного русского языка: учебное пособие для вузов*. С-Петербург.

JELENA KONICKAJA

**Issues in Slovene Phraseology: The Publication
of the First Phraseological Dictionary of Slovene, by Janez Keber**

Significant changes are occurring presently in phraseology as an area of linguistics, which are linked to new methods (attention to the concept of language world pattern, culturological and contrastive studies). The article examines several controversial solutions proposed in the first Slovene phraseological dictionary, which was issued in SRC of the Slovene Academy of Sciences in 2011 (Janez Keber, *Slovar slovenskih frazemov*). The article analyses variability, synonymy, the establishment of phraseological meaning, and issues of the derivation of phraseologisms (idiom formation), as well as crosslinguistic parallels. The many instances of vagueness and contradictions found in Keber's dictionary point to the need for a deeper interpretation of issues regarding the description of phraseology and the development of a strict theoretical foundation. Moreover, the wide phraseological material in the dictionary and the general reworking of the theory of Slovene phraseology allows one to hope for the publication of new specialized Slovene phraseological dictionaries.

Keywords: Slovene phraseology, phraseological Dictionary, synonymy, idiom formation.